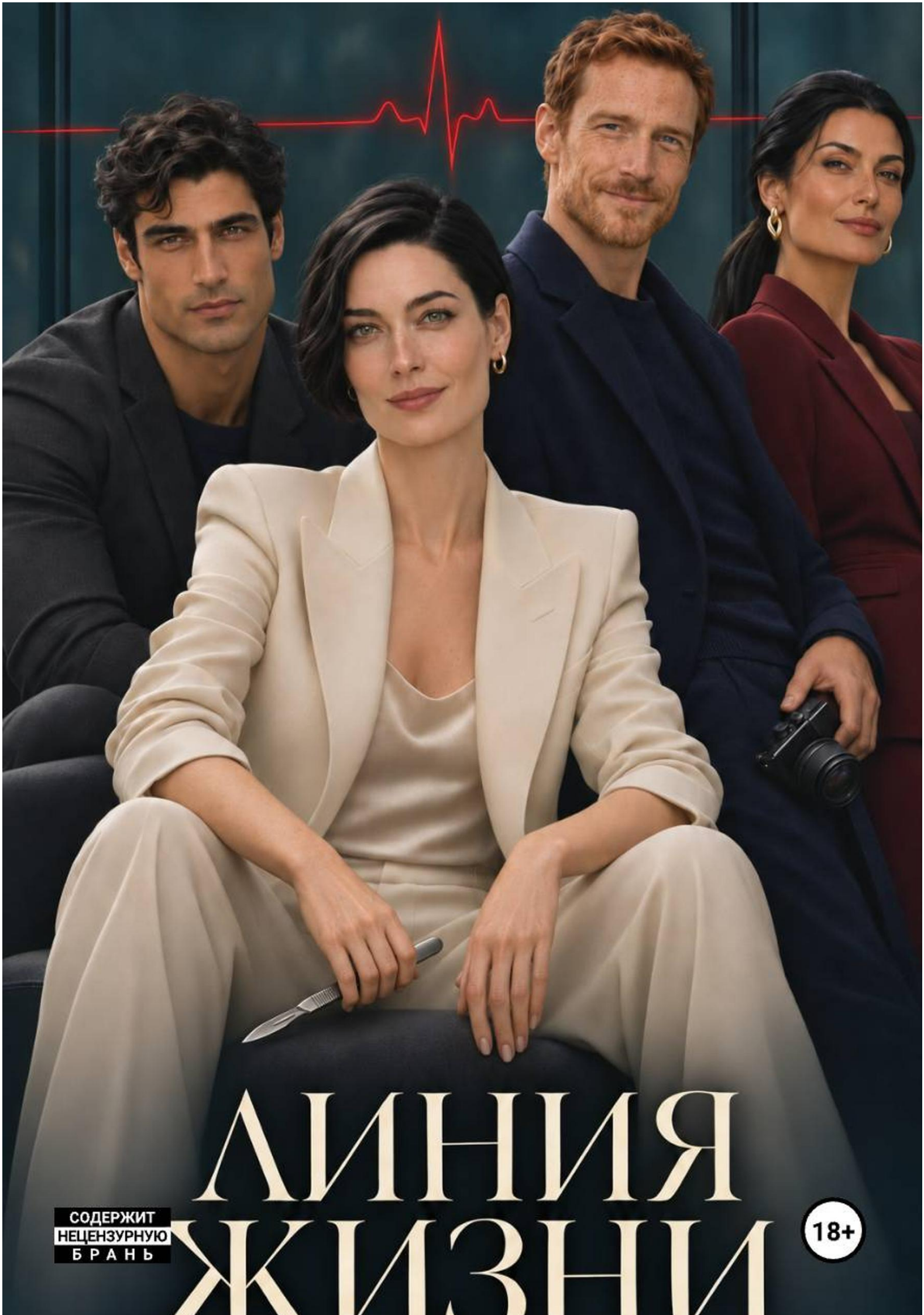
ЛИНИЯ
ЖИЗНИ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Kirsten Muun

Линия жизни

«Автор»
2026

Muun K.

Линия жизни / K. Muun — «Автор», 2026

Я была лучшим нейрохирургом в городе и следила, чтобы никто об этом не забывал. Большие деньги вскружили голову, решила, что мне всё можно. Унижала коллег при всей бригаде, называя это требовательностью. Я стала последней мразью, а пациенты всё равно ждали моей операции месяцами.Но моя машина слетела в обрыв.В клинике поделили мои операции. Люди, которые звонили мне по десять раз на дню, будто разом забыли мой номер. Рядом остался Матвей. Пять лет я командовала им в операционной. Теперь мы договариваемся прожить под одной крышей месяц, и я учусь просить его о помощи.По ночам я разбираю снимки собственных рук и ищу способ вернуть пальцам движение. Чем ближе операция, тем труднее мне представить, что после неё он съедет.А потом мой бывший приносит фотографию. По разбитому фонарю я узнаю машину, которая вытолкнула меня с дороги.О том, каким маршрутом я поеду, знали только свои.#СовременныйЛюбовныйРоман #ЛюбовныеРоманы #СильнаяГероиня #ЛюбовныйТреугольник #Предательство #ЛинияЖизни

© Muun K., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Правая рука. 5
Глава 2. Глава 2. По моей просьбе 13
Глава 3. Глава 3. Условия проживания 21
Глава 4. Глава 4. Дорогое удовольствие 27
Глава 5. Слишком близко 33
Глава 6. Без очереди 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Kirsten Muun
Линия жизни

Глава 1. Правая рука.

— К какому пальцу я сейчас прикасаюсь?

— Вы меня спрашиваете или себя проверяете?

Мужчина в белом халате не улыбнулся, хотя обычно после таких реплик люди хотя бы делали вид. Он сидел справа от кровати, заслоняя часть окна, и держал что-то маленькое, белое, похожее на сложенный кусочек марли.

— Назовите палец, Алиса Сергеевна.

Я закрыла глаза, как он попросил раньше, и попыталась разобраться в странном, тупом ощущении, которое приходило от руки. Будто кто-то касался меня через несколько слоёв ткани, и я знала об этом только потому, что видела, как врач наклонился.

— Средний.

— Хорошо. Теперь здесь.

На этот раз я ничего не почувствовала. Подождала, прислушиваясь к себе, и услышала, как у окна скрипнул стул.

— Вы ещё не начали?

— Уже закончил. Можно открыть глаза.

Я посмотрела на правую руку и впервые поняла, что белая громоздкая конструкция поверх одеяла имеет ко мне прямое отношение. Бинты доходили почти до локтя, пальцы были опухшими, с пожелтевшими от антисептика ногтями. На указательном сохранилась тонкая полоска прозрачного лака, которую я вчера сама хотела стереть.

Вчера.

Я знала, что вчера стояла перед зеркалом и выбирала серьги, а сейчас не могла вспомнить, кто их с меня снял.

— Пошевелите пальцами. Понемногу, без усилия.

Мизинец сдвинулся, и я уставилась на него с такой жадностью, что едва услышала следующий вопрос.

— Покажите большой палец.

Я попыталась. Боль отозвалась глубоко в запястье, большой палец чуть дрогнул и остался лежать там же, куда его положили.

— Ещё раз.

— Пока достаточно, — сказал врач. — Не надо через боль.

Я повернула голову налево. Вторая рука лежала на подушке, и её тоже зафиксировали, оставив пальцы открытыми.

— Обе? — спросила я, хотя уже видела ответ.

— Обе.

Матвей поднялся со стула у окна.

До этого я принимала его за часть палаты, за чью-то тёмную куртку, брошенную на подоконник. Теперь увидела лицо, голубую рубашку и ремень, который он всё время поправлял после того, как похудел за зиму. Я сама велела ему купить новый. Он ответил, что ещё рассчитывает отъесться.

— Матвей, где я?

— В травматологическом центре.

— Я вижу, что не в ресторане. Какой день?

Он назвал число.

Вечеринка была вчера, значит, я всё-таки не проспала неделю. Мне стало легче от этой совершенно бесполезной информации, и я сразу попыталась сесть, потому что лёжа люди всегда казались мне сговорчивее, чем были на самом деле.

В груди потянуло, справа под рёбрами отозвалась боль, и врач успел подставить ладонь мне под плечо прежде, чем я попыталась опереться на руки.

— Запястья сейчас не нагружайте. Хотите выше, поднимем изголовье.

Кровать загудела. Я смотрела на собственные колени, пока они медленно опускались ниже, и ждала, когда перестанет подташнивать.

— Где снимки?

— Принесу, — сказал врач.

— Что с руками?

Он представился Андреем Викторовичем. Травматолог, хирург кисти. Я уловила специальность раньше имени и немного повернулась к нему, стараясь не задеть правую руку.

— Слева перелом лучевой кости у запястья со смещением. Справа многооскольчатый, затронут сустав. Мы сопоставили отломки, зафиксировали пластинами. Правый срединный нерв был сильно сдавлен, мы его освободили.

— Непрерывность сохранена?

— Да.

Я медленно выдохнула.

Слово «сохранена» позволило мне на секунду построить вполне удобное будущее, в котором я отменяю несколько операций, прохожу реабилитацию и осенью возвращаюсь к обычному расписанию. Отпуск я всё равно собиралась взять, пусть даже отпуск с двумя руками в шинах выглядел несколько экстравагантно.

Потом я снова посмотрела на большой палец.

— Он не работает.

— Я вижу.

— Анестезия ещё действует?

— Чувствительность мы будем проверять в динамике. Сейчас у вас и отёк, и боль, и последствия самой травмы.

— Я спросила про анестезию.

— Я понял ваш вопрос, Алиса Сергеевна. И тоже хочу знать, что именно сейчас даёт такую картину. Для ответа одного осмотра после операции мало.

Он говорил спокойно, без той нарочитой мягкости, которую я терпеть не могла на обходах. Мне бы самой стоило так разговаривать с родственниками пациентов. Обычно к пятому одинаковому вопросу я уже начинала смотреть на часы.

— Когда я смогу оперировать?

Андрей Викторович придвинул стул ближе.

Я узнала это движение. Сама так делала, когда человеку предстояло услышать гораздо больше, чем он собирался спрашивать.

— Сейчас я могу рассказать, что мы сделали и что будем делать дальше. Прогноз для тонких движений появится со временем.

— Сколько времени?

— Будем оценивать восстановление поэтапно. Сегодня обещать возвращение в операционную я не могу.

Я посмотрела на Матвея.

Он стоял у изножья кровати, опустив руки вдоль тела. Вчера на разборе я заставила его дважды повторить одну и ту же мысль, потому что мне не понравилось, как уверенно он воз-

разил. Сегодня я ждала, что он опять начнёт спорить, укажет на какую-нибудь деталь, которую мы пропустили, и вернёт разговор в знакомое русло.

Матвей молчал.

— С остальным что? — спросила я.

Андрей Викторович перечислил ушибы, повреждённое ребро и травму головы, после которой за мной продолжали наблюдать. Я слушала, пытаясь разложить собственное тело на понятные участки, но всё время возвращалась к рукам. Врач спросил про головную боль. Я сказала, что терпимо, и тут же поморщилась от света, когда кто-то открыл дверь.

Матвей опустил жалюзи.

— Я зайду позже со снимками, — сказал Андрей Викторович. — Медсестра поможет вам устроиться. Если усилятся боль, тошнота или появится что-то новое, сразу зовите.

Он дождался моего кивка и вышел.

Я осталась смотреть на дверь. На ней был обычный хромированный рычаг, который можно нажать локтем. Я впервые в жизни заметила, какая удачная у него форма.

— Воды? — спросил Матвей.

Он взял стакан с трубочкой. Мне захотелось спросить, кто придумал трубочку, но я слишком отчётливо помнила, как лежит мой большой палец.

— Можно?

— Да. Я спросил у медсестры.

Я сделала несколько маленьких глотков, и только после этого поняла, насколько пересохло во рту. Матвей убрал стакан, когда я отвернулась, хотя раньше мне хватило бы просто взять его за запястье.

— Ты давно здесь?

— Три часа. Как только тебя привезли из послеоперационной.

— У тебя же сегодня смена.

— До неё ещё есть время.

Часы висели над дверью. Половина пятого. Обычно в это время я просыпалась, если предстояла сложная операция, и уже не могла заснуть, пока ещё раз не просмотрю снимки. Сегодня сложная операция уже случилась, а снимков я не видела.

Матвей поставил стакан на тумбочку. На костяшке у него была засохшая капля кофе, которую он, видимо, так и не заметил.

— Уже все знают? — спросила я.

— Инге позвонили, когда искали родственников. Она приезжала, пока ты была на операции. С мамой твоей тоже поговорила.

Я кивнула. Сегодня мне очень хотелось, чтобы мама пока не видела этих рук.

— Телефон где?

Он достал его из сумки. По углу экрана разошлась сетка трещин, но телефон работал. Я назвала код, и Матвей открыл сообщения. Женщина из Томска прикрепила фотографию билета и спрашивала, кто будет оперировать её в понедельник.

— Пусть Инга перешлёт Костину её обследования, — сказала я. — У неё билеты. Ей надо понимать, лететь или сдавать.

Матвей написал Инге и дождался отметки о доставке.

— Утром ей позвонят. Костин сначала посмотрит историю.

— Хорошо.

Он снова поставил телефон передо мной. Следующее уведомление было из редакции.

Я хотела попросить открыть его, но увидела на стуле журнал.

Вчера этот журнал лежал на стойке у ресепшена, и я специально прошла мимо медленнее, хотя торопилась на разбор.

На обложке я сидела в белом костюме, положив раскрытые ладони на колени. Глеб убрал из кадра всё, что я принесла для съёмки, вплоть до очков, которые мне нравилось держать в руке во время интервью. Сказал, что я всё время пытаюсь чем-нибудь занять пальцы.

— У меня ими заработано всё, что ты видишь, — ответила я.

Он посмотрел по сторонам студии, задержался взглядом на арендованном стуле и спросил, знаю ли я, сколько он стоит.

На снимке я была красивой. Я это знала, поэтому не стала изображать скромность, когда Вера попросила подписать экземпляр для ресепшена.

— После вечеринки, — сказала я. — Сейчас у меня пациенты.

На самом деле до первого пациента оставалось сорок минут. Я могла бы подписать журнал прямо там, но мне понравилось, что она попросила.

За последние несколько лет я привыкла получать удовольствие от совершенно мелких подтверждений собственной важности. Мне придерживали двери, переносили встречи, искали столик в ресторане, где час назад свободных мест не было, и я принимала всё это как естественное продолжение своей работы. Я ведь действительно умела то, за что люди соглашались ждать.

С деньгами пришла ещё одна удобная привычка. Если разговор начинал мне надоедать, я могла сделать так, чтобы его продолжил кто-нибудь другой.

Вчера на разборе я сделала это с Матвеем.

Он вывел на экран дополнительные срезы по Лебедеву, которого мы собирались оперировать сегодня. Я посмотрела на изображение, увидела знакомую опухоль и уже потянулась переключить дальше.

— Здесь надо задержаться, — сказал Матвей. — На предыдущем исследовании этот сосуд почти не виден.

Костин отложил ручку. Лена, наша молодая врач, придвинулась к экрану.

Мне не понравилось, что они отреагировали раньше меня.

— Рудин, ты предлагаешь изменить доступ за сутки до операции?

— Предлагаю ещё раз посмотреть этот участок.

— Мы его смотрели.

— Да. Я пересмотрел после нового исследования.

Я знала эту интонацию. Матвей пользовался ею, когда собирался стоять на своём, и обычно мне это даже нравилось. В тот момент я почувствовала только раздражение, потому что за дверью уже ждала женщина из редакции и мне очень хотелось, чтобы разбор закончился вовремя.

— Когда у тебя будет своё отделение, сможешь собирать людей ради каждого сомнения, — сказала я. — Сейчас покажи, что именно ты увидел.

Он показал.

Я попросила увеличить изображение, потом соседний срез. Сосуд проходил там, где его действительно было легко задеть при первоначальном подходе. Матвей дождался, пока я всё просмотрю, и молча вернул на экран общую картину.

Мы изменили план.

Через двадцать минут в моём кабинете журналистка спросила, как часто опытному хирургу приходится принимать решение в последний момент.

— Я всегда оставляю время, чтобы ещё раз посмотреть случай свежим взглядом, — ответила я.

Матвей в этот момент принёс документы на подпись и услышал весь ответ. Я даже не попыталась его поправить.

Теперь он сидел возле моей кровати, а я боялась поднять на него глаза.

— Что с Лебедевым? — спросила я.

— Костин возьмёт его утром. Я буду в бригаде.

— Он видел то место?

— Видел. Мы обсудили.

Мне хотелось продолжить, потребовать, чтобы они ещё раз показали снимки, заранее сказать, в какой момент лучше остановиться и перепроверить. Но я уже слышала, как это прозвучит после вчерашнего.

— Позвони мне после, — сказала я.

— Хорошо.

На стуле под журналом лежал его пиджак. Я вспомнила, как вчера видела чехол с этим пиджаком в ординаторской, и на секунду почувствовала то самое короткое удовольствие, которое испытала тогда. Он собирался на мою вечеринку. Я даже спросила, неужели после двенадцатичасового дня у него останутся силы на светскую жизнь.

Он ответил, что рассчитывал хотя бы посмотреть, куда мы тратим деньги.

— Ты приехал бы? — спросила я сейчас.

— Куда?

— В ресторан.

— Собирался.

— Я думала, ты не любишь такие сборища.

— Я и не люблю.

Он посмотрел на меня так прямо, что мне пришлось отвернуться к окну.

Медсестра пришла ближе к шести. Представилась Лидией, проверила всё, что ей было нужно, и спросила, хочу ли я умыться.

Я машинально ответила, что позже, хотя во рту снова пересохло, кожа стянулась, а волосы прилипли к виску. Матвей вышел в коридор, пока она помогала мне устроиться.

Лидия объясняла заранее каждое движение. Сейчас поправим подушку. Теперь осторожно отведём локоть. Скажите, если неудобно.

На третьей фразе я чуть не попросила её делать всё молча. Потом она подложила полотенце мне под шею, и я почувствовала, что впервые с пробуждения лежу удобно.

— Так лучше, — сказала я.

— Вот и хорошо. Вы сразу говорите.

Мне стало ужасно неловко от того, сколько сил человек тратит на то, чтобы я просто умылась. Лидия отжала салфетку, поднесла к лицу, и я по привычке потянулась забрать её левой рукой.

— Я попробую.

Она дала мне взяться за край. Салфетка оказалась тяжелее, чем выглядела, и скользнула по пальцам. Я успела прижать её к щеке, прежде чем уронила на одеяло.

— Слишком мокрая, — сказала я.

Лидия выжала её сильнее.

Вторую попытку я тоже завалила. Запястье заныло, пальцы начали дрожать, и я лежала с мокрым подбородком, пока она ждала, решусь ли я снова.

— Помогите, пожалуйста.

Она вытерла мне лицо без всяких комментариев. В этой палате я бы оценила молчание дороже любой утешительной речи.

Когда Лидия ушла, Матвей вернулся с кофе. Для себя. Он остановился у двери, увидев моё лицо.

— Что?

— Ничего.

Я смотрела на край одеяла, где оставалось влажное пятно. Мне было тридцать девять лет. На прошлой неделе я пять часов работала под микроскопом, а сегодня женщина, имени которой я дважды не расслышала, вытирала мне подбородок.

Матвей поставил кофе на подоконник.

— Хочешь, я выйду?

— Чтобы я тут могла спокойно пожалеть себя?

— Если тебе надо.

Я хотела сказать, что у меня вполне достаточно людей, способных меня пожалеть. В действительности мне страшно хотелось, чтобы он сел и больше никуда не двигался.

— Посиди, — сказала я. — Пока.

Он придвинул стул к кровати.

В коридоре начали переговариваться громче, кто-то катил тележку, и колёса постукивали на одном и том же месте возле моей двери. Наступало утро, которое для всех остальных продолжалось совершенно нормально.

Матвей достал телефон, прочитал сообщение и убрал обратно.

— Кто?

— Из отделения.

— Уже спрашивают, что со мной?

— Спрашивают, когда я буду.

— Ты можешь ехать.

— Могу, — сказал он.

Я повернула к нему голову. Он сидел, сцепив руки, и тёр большим пальцем костяшку указательного. У него были длинные пальцы и маленький старый шрам на запястье, который я почему-то раньше видела только во время обработки рук.

— Почему ты здесь, Матвей?

Он опустил взгляд на наши руки, потом снова посмотрел на меня.

— Потому что ты здесь.

Я ждала, что он добавит что-нибудь ещё, и почти злилась, когда он ничего не добавил. Пять лет я привыкала к его присутствию настолько, что иногда замечала отсутствие только после второй просьбы подать инструмент.

— Очень содержательно, — сказала я.

— Сейчас могу рассказать, как полночи пытался выяснить, куда тебя привезли. Там материала минут на двадцать.

— Инга не знала?

— Сначала знала только, что ты не приехала. Позвонила мне, спросила, не задержала ли тебя работа.

— А Глеб?

— Он тоже тебя искал.

Я попросила открыть сообщения от Глеба. Матвей снял телефон с тумбочки и положил на подушку экраном ко мне.

Первое пришло в половине десятого.

«Ты где? Уже все собрались».

Второе через двенадцать минут.

«Алис, возьми трубку».

Потом было несколько пропущенных звонков и сообщение без знаков препинания, набранное так торопливо, что я перечитала его два раза.

«ответь хоть что-нибудь мне сказали про аварию»

Я отвернулась.

— Позже отвечу, — сказала я.

Матвей убрал телефон на тумбочку.

Я попросила его поправить прядь, которая всё время лезла мне в глаз. Он осторожно убрал волосы за ухо, и его пальцы на секунду задержались у виска. От этого простого движения мне стало одновременно спокойнее и ещё стыднее за то, как сильно я в нём нуждалась.

— Я ужасно выгляжу?

— Ты выглядишь как человек после аварии и операции.

— Господи, Рудин, хоть раз можно соврать?

Он чуть улыбнулся.

— Волосы с этой стороны лежат хорошо.

Я засмеялась и тут же пожалела, потому что ребро отозвалось резкой болью. Матвей подался вперёд, но остановился, когда я качнула головой. Подождал, пока я нормально вдохну.

К семи Матвей начал собираться. Надел пиджак, проверил карманы и посмотрел на часы.

— Мне пора. Позвоню, как закончится операция, и приеду вечером. Нужны какие-нибудь вещи?

Я хотела перечислить зарядку, халат, расчёску. Вместо этого спросила:

— Ты всё понял, что сказал врач?

— То же, что и ты.

— Мне бы этого сейчас не хотелось.

Он подошёл ближе. Я положила левую руку на край одеяла ладонью вверх. Матвей посмотрел, прежде чем осторожно подставить под неё свою. Никакого сжатия от меня не требовалось, и я просто чувствовала тепло там, где ещё могла чувствовать.

— До вечера, — сказал он.

Я кивнула, а потом не выдержала.

— Лебедева проверьте после укладки ещё раз. Сам знаешь почему.

— Проверим.

Он вышел. Я ещё некоторое время смотрела на закрытую дверь, злясь на себя за последнюю фразу и одновременно радуясь, что успела её сказать.

Из коридора донёсся голос Лидии. Она попросила кого-то подождать, пока она освободится, потом тележка снова проехала мимо. На экране моего телефона загорелось уведомление, но я уже не видела, от кого.

Мне предстояло дождаться человека, который сможет подвинуть телефон на десять сантиметров.

Я лежала и рассматривала полоску света между жалюзи, пока по потолку не скользнул красный отблеск. Во дворе, видимо, разворачивалась скорая. Красный свет остановился на стене и исчез.

Тот фонарь тоже вспыхнул только с одной стороны.

Я закрыла глаза.

Сначала вернулась дорога перед подъёмом, сухая, тёмная, совершенно обычная. Я ехала медленнее, чем хотелось, потому что за поворотом знала неровный участок. Телефон лежал на соседнем сиденье, экран ещё светился после сообщения Инги.

Потом сзади приблизились фары.

Высокая тёмная машина пошла на обгон, и я машинально убрала ногу с педали, давая ей место. Помнила даже, как посмотрела в зеркало, хотя позади никого больше не было.

На её правом заднем крыле свет выхватил обломанный край фонаря. Белёсая пластмасса. Я заметила её, когда машина поравнялась со мной, а потом задержалась впереди так близко, что я перестала видеть перед собой дорогу.

Я затормозила.

Она затормозила тоже.

Мне стало холодно под одеялом. Я попыталась открыть глаза, но передо мной уже стоял следующий кусок дороги, и я вспомнила, что ждала, когда водитель вернётся в свою полосу.

Он сместился ко мне именно там, где заканчивалось ограждение.

Я знала этот поворот. Ездила мимо много раз, ругалась на ремонт, на выломанную секцию, которую так и не заменили. Бетонный столбик мелькнул у правого края, и дальше в свете фар уже ничего не держало дорогу.

Дыхание сбилось. Я посмотрела на свои руки, на кнопку вызова у подушки, и попробовала дотянуться до неё левой. Первый раз промахнулась. Со второго нажала.

Лидия появилась почти сразу.

— Что случилось? Больнее стало?

— Позовите Матвея. Он только что ушёл.

Она наклонилась ко мне, оценивая лицо.

— Вам плохо?

— Я вспомнила, как это произошло. Пожалуйста, если он уже уехал, позвоните.

Матвей вернулся через несколько минут с телефоном в руке и расстёгнутым пальто.

— Алиса?

— Была вторая машина. Тёмная, высокая. Правый фонарь разбит.

Он подошёл к кровати.

— Ты вспомнила номер?

— Нет. Но он обогнал меня и начал тормозить. Я уступала, понимаешь? Я сама дала ему проехать.

Матвей смотрел на меня, и я с трудом выдерживала паузы между собственными словами.

— Позвони в полицию.

Он кивнул и посмотрел на телефон.

— Скажи им, что он дождался, пока закончится отбойник.

Глава 2. Глава 2. По моей просьбе

— Прежде чем позвонить, спроси, с какой скоростью я ехала.

Матвей поднял глаза от телефона.

— Зачем?

— Чтобы я успела порепетировать. Первым делом меня всё равно спросят об этом.

Он посмотрел на Лидию, которая ещё стояла у двери, и я поняла, как это выглядит. Человек после операции внезапно вспомнил, что его пытались убить, и уже раздаёт указания, хотя минуту назад не мог подвинуть телефон.

— Я была трезвая, — добавила я. — На дорогу смотрела. Авария произошла до вечеринки, если это кому-то интересно.

— Я тебе верю, — сказал Матвей.

Мне стало немного легче.

Он попросил Лидию позвать врача, затем вышел звонить. Через стекло в верхней части двери я видела его голову и руку с телефоном. Матвей стоял вполоборота и говорил коротко, почти не двигаясь. Я знала эту позу. Так он слушал, когда родственник пациента пытался объяснить по телефону, что случилось после выписки.

Андрей Викторович пришёл раньше, чем Матвей закончил разговор. Проверил, что именно изменилось, спросил про боль и попросил рассказать о дороге. Я пересказала всё сначала, путаясь в том, где закончился обгон и началось торможение.

— Я понимаю, как это звучит, — сказала я, когда он перестал задавать вопросы.

— Вы сейчас вспоминаете события после травмы. Нам важно, чтобы вы рассказали, что помните, а дальше можно будет проверить.

Он ни разу не произнёс слово «кажется». Я была ему за это благодарна настолько, что не стала спорить, когда он попросил пока отложить телефон.

Матвей вернулся, убрал мобильный в карман и сказал, что со мной поговорят в течение дня.

— Кто?

— Сотрудник, который занимается аварией. Я оставил твой номер и номер поста.

Я закрыла глаза. До этой минуты я как будто всё ещё выбирала, считать ли своё воспоминание настоящим. Теперь посторонний человек записал мой телефон и собирался задавать вопросы, на которые я не знала ответов.

— Тебе надо в клинику, — сказала я.

— Да.

— Лебедев…

— Я помню, Алиса.

Он произнёс это чуть твёрже, чем прежде, и я открыла глаза. Матвей застёгивал пальто. Я едва не отправила его к пациенту с очередным напоминанием.

— Позвони после, — сказала я.

— Позвоню.

Он поправил провод кнопки вызова, проверил, дотягиваюсь ли я левой рукой, и выпрямился. Мне хотелось задержать его ещё хоть на минуту, поэтому я отвернулась к окну.

Сотрудник полиции приехал около десяти. Назвал себя Павлом, показал удостоверение и спросил, согласовано ли время с врачом. Лидия кивнула и оставила дверь приоткрытой.

Он поставил стул так, чтобы мне не пришлось поворачивать голову.

— Начнём с того, откуда вы ехали.

— Из дома. В ресторан за городом. Там была вечеринка по случаю выхода журнала.

Он записал название, спросил адрес и уточнил, почему я выбрала старую дорогу.

— На основной было сужение. Я посмотрела маршрут перед выездом.

— Во сколько?

Я назвала примерно. Он попросил потом проверить время по переписке и звонкам, если получится.

— Кто знал, что вы поедете?

— Люди, которые меня ждали. Организаторы, подруга, фотограф. Кого ещё перечислить?

— Пока имена этих.

Я назвала Ингу, Глеба и девушку из редакции, которая последние две недели присылала мне сообщения в любое время суток. Матвея Павел записал сам, уточнив, тот ли это человек, который звонил утром.

— Он мой ассистент, — сказала я.

— Врач?

— Нейрохирург. Работает со мной пять лет.

Павел поднял глаза.

Потом началось то, чего я ожидала. Скорость, освещение, разметка, телефон в руке, алкоголь. Я отвечала ровно, пока он не попросил ещё раз описать положение второй машины.

— Она шла слева и сместилась ко мне.

— Вы видели водителя?

— Нет.

— Номер?

— Нет.

— Марку?

Я посмотрела на одеяло. На ткани у колена торчала маленькая петля, и я уже несколько минут пыталась убрать её взглядом.

— Высокая тёмная машина. Внедорожник, наверное. Правый задний фонарь разбит.

— У вас был регистратор?

— Был.

Он подождал.

— В сервисе сняли, когда занимались проводкой. Я забрала его и оставила дома.

Павел записал. Я собиралась поставить регистратор обратно на выходных.

— Он начал тормозить ещё до поворота, — сказала я. — Я сбросила скорость, потому что пропускала его. Потом он продолжил тормозить.

— А до обгона долго ехал за вами?

— Я заметила только фары.

— Удар между машинами был?

Я закрыла глаза, стараясь вспомнить звук раньше, чем подушка закрыла мне лицо. В памяти оставались свет, короткое движение руля и ощущение, что дорога вдруг провалилась вправо.

— Не знаю.

Павел перестал писать.

— Я не утверждаю, что меня задели, — сказала я. — Я утверждаю, что у него хватало места уехать. Он уже обогнал меня. Почему ему понадобилось тормозить и снова смещаться вправо?

— Нам надо найти машину и установить, как всё произошло.

— А пока это будет называться «не справилась с управлением»?

— Пока у нас есть то, что обнаружили на месте, и ваши объяснения. Я передам информацию по второй машине. Если вспомните что-нибудь ещё, позвоните.

Он положил карточку на тумбочку. Я посмотрела на номер и вдруг захотела запомнить его наизусть, потому что взять карточку и убрать в телефон не могла.

— Там люди ехали на ту же вечеринку, — сказала я. — У кого-нибудь могла остаться запись с дороги.

— Список гостей дадите?

— Попрошу организаторов.

Он уточнил, с кем можно связаться, и встал. У двери помедлил, заметив, как я смотрю на карточку.

— Вам поставить телефон поближе?

— Да. Спасибо.

Павел придвинул его и вышел. Я проводила взглядом его руку до самой двери, а потом с отвращением поняла, что теперь смотрю на руки почти всех, кто ко мне подходит.

Инга приехала с тремя пакетами и лицом человека, который по дороге успел провести несколько совещаний и с кем-то поругаться.

— Господи, Алис.

Она остановилась у кровати. Сначала посмотрела мне в лицо, потом на руки, потом снова в лицо. Я приготовилась к тому, что она сейчас начнёт плакать, и заранее разозлилась.

Инга наклонилась и обняла меня за плечи так осторожно, что я едва почувствовала.

— Ты мне больше так не делай, — сказала она куда-то в волосы.

— Учту при планировании следующего месяца.

Она выпрямилась и начала разбирать пакеты. Достала мой халат, зарядку, мягкие носки и домашние тапочки, которые я давно собиралась выбросить.

— Эти зачем?

— Они широкие. Если будут отекать ноги, влезешь.

— Ты подготовилась.

— Ночью было время.

Она сняла пальто и повесила на спинку стула, придавив рукавом журнал.

— Мама хочет приехать.

— Не надо.

— Я так и сказала. Ты сама ей потом объяснишь, почему.

Я посмотрела на экран. За утро мама позвонила трижды, но каждый раз трубку брала Лидия и сообщала, что я отдыхаю. Когда надо будет отвечать самой, я ещё не придумала.

Инга сложила одежду в шкаф, выслушала, что сказал врач, и предложила отправить документы другим специалистам.

— Сначала получим снимки и протокол операции, — ответила я. — Потом решим.

Она кивнула с облегчением, потому что появилось дело, которое она понимала.

— По пациентам сегодня всё распределили. Костин взял Лебедева, ещё двоих пока перенесли. Женщине из Томска уже позвонили.

— Кто с ней говорил?

— Я. Она всё равно хочет лететь, чтобы проконсультироваться.

— Пусть пришлют мне историю перед консультацией.

Инга достала телефон.

— Алис, ещё надо решить, что говорить публично. Мне звонили из трёх редакций. Ночью уже вышла заметка с фотографией машины.

— Покажи.

Она помедлила. Я почувствовала, как стягивает горло, ещё до того, как увидела экран.

Машину сняли снизу, на земле возле деревьев. В кадр попал один бок, выломанная дверь и чья-то нога в яркой форме. Я не узнала салон, хотя знала каждый его шов. Только кусок светлой обивки на раскрытом сиденье выглядел знакомо.

Всё это время у меня оставалась возможность представить, что машину можно починить. Мне хотелось хотя бы одну вещь вернуть в прежнее состояние без долгого разговора о прогнозе.

— Убери, — сказала я.

Инга погасила экран.

Я смотрела на её большой палец, которым она только что нажала кнопку, и ждала, когда перестанет тошнить.

— Мы хотели написать коротко, — сказала она через некоторое время. — Что операция прошла успешно, ты восстанавливаешься и временно отошла от работы.

— «Успешно» мне пока никто не говорил.

— Я имею в виду, что ты жива.

— Тогда так и напиши.

Она села на край стула.

— Люди спрашивают, когда ты начнёшь принимать.

— Когда начну, тогда сообщим.

— Им нужен ответ сейчас. У нас запись на три месяца.

Я уже собиралась напомнить, за счёт чего у клиники появился лист ожидания, когда заметила полоски осыпавшейся туши у неё под глазами. Инга со вчерашнего дня так и не спала.

— Читай, что подготовила.

Она открыла текст.

— «По просьбе Алисы Воронцовой на период восстановления её приём и операции переданы коллегам…»

— Стоп.

Инга подняла глаза.

— Убери «по просьбе».

— Я хотела, чтобы не выглядело, будто тебя просто заменили.

Я снова посмотрела на руки. Левая лежала ближе к ней. На правой бинт возле запястья чуть потемнел, и я уже десять минут заставляла себя не думать, как он выглядит внутри.

— Меня заменили, Инга. Это и происходит. Убери только то, чего я не просила.

Она посмотрела на меня, потом опустила глаза к экрану и стёрла первые слова.

— Хорошо.

Пока она перепечатывала, мне захотелось извиниться. Я даже почти начала, но Инга сказала, что Лебедева уже закончили, и мысль исчезла.

— Откуда знаешь?

— Костин написал.

Я сразу посмотрела на свой телефон. Ничего.

— Он проснулся?

— Пока переводят.

Мне стало стыдно за то, что первой мыслью было, кому написали раньше.

Инга осталась, пока мне принесли обед. У супа была тяжёлая металлическая ложка, которую я после двух попыток оставила лежать в тарелке. Подруга ничего не сказала. Просто спросила, нужна ли помощь, и дождалась ответа.

Я кивнула. Пока она подносила ложку, я смотрела ей в воротник, на знакомую родинку возле ключицы, и пыталась вспомнить, когда мы в последний раз вот так сидели вдвоём хотя бы полчаса.

После ухода Инги я попросила Лидию набрать маму. Она спросила, тепло ли мне, привезли ли халат, и пообещала приехать, посидеть тихо, пока я сплю.

— Давай я утром сама позвоню, — сказала я. — Сейчас ещё обследования.

— Ты только позвони.

Я обещала и дождалась, пока Лидия завершит звонок. Мама умела заранее ничего от меня не требовать, а мне от этого только сильнее хотелось отвернуться к стене. Я попросила закрыть дверь и попробовала уснуть. Но перед глазами всё ещё стояла фотография выломанной двери моей машины, и я никак не могла понять, как из неё доставали меня.

Телефон загудел, и я дотянулась до кнопки вызова раньше, чем вспомнила, что можно просто попросить кого-то включить связь, когда зайдут.

Звонил Матвей.

— Он проснулся, — сказал он. — Речь проверили, двигает всем, чем должен. Первым делом спросил, можно ли ему кофе.

Я выдохнула так глубоко, что больно потянуло в боку.

— Когда сможете, покажите мне контрольные снимки.

— Покажем.

— Как там было?

Матвей начал рассказывать. Я слушала, забыв, что лежу под одеялом с двумя руками на подушках. Он говорил привычно, оставляя короткие паузы там, где я обычно задавала вопрос. В какой-то момент я действительно перебила, уточнила про сосуд и услышала, как он усмехнулся.

— Я думал, ты спросишь на минуту раньше.

— Я даю тебе время почувствовать себя самостоятельным.

— Очень щедро.

Мне хотелось продолжать этот разговор до вечера. Пока Матвей рассказывал, я могла быть той, которой позвонили посоветоваться.

— Приеду после обхода, — сказал он. — Тебе что-нибудь привезти?

— Нормальную ложку. Лёгкую.

Он помолчал совсем недолго.

— Привезу.

Я почти сказала ему про обед с Ингой. Вместо этого спросила, почему Костину понадобилось писать всем по отдельности раньше, чем пациент очнулся.

— Он хотел сообщить, что закончили.

— Мог бы дождаться.

— Алиса, он сегодня сделал тяжёлую операцию. И тоже волновался.

Я посмотрела в потолок. Матвей редко защищал Костина при мне.

— Я знаю, — сказала я.

После звонка я попросила открыть переписку с Костиным и продиктовала короткое «Спасибо». Долго смотрела, как слово лежит на экране без единого уточнения. Потом разрешила отправить.

К вечеру голова разболелась сильнее, и я уже не хотела ни разговоров, ни снимков, ни вежливых вопросов. Матвей приехал, когда свет в палате приглушили. Я услышала, как он поздоровался с Лидией, и успела раздражённо подумать, что они теперь слишком хорошо знакомы.

Он принёс ложку с толстой лёгкой ручкой, зарядный провод подлиннее и две упаковки ягодного йогурта.

— Йогурт зачем?

— Я собирался купить один, но продавщица сказала, что на второй скидка.

— Ты хирург. Тебе нельзя так легко поддаваться давлению.

Он поставил пакет в холодильник и подошёл к кровати.

— Свет убрать ещё?

— Если можно.

Матвей оставил маленькую лампу возле двери. Я заметила, что он сменил рубашку. Верхнюю пуговицу оставил незастёгнутой, и я задержалась взглядом на его шее.

— Что? — спросил он, поймав мой взгляд.

— Тебя надо отправить домой спать.

— Меня уже отправляли. Я пока держусь.

Он сел и подключил зарядку. Я попросила открыть сообщение от редакции, которое так и висело непрочитанным. Там были цветы, восклицательные знаки и просьба согласовать новую публикацию о моей борьбе за возвращение в профессию.

— Они уже всё придумали, — сказала я.

Матвей прочитал до конца.

— Хочешь ответить?

— Хочу, чтобы они хотя бы подождали, пока я перестану блевать от вида потолочной лампы.

Он поднял на меня глаза.

— Ты сегодня сказала врачу про тошноту?

— Лидии сказала.

Он нажал кнопку вызова. Я открыла рот и закрыла его обратно, потому что он сделал ровно то, что я сама велела бы сделать пациенту.

Когда Лидия ушла, уточнив, что изменения передаст врачу, Матвей спросил, буду ли я есть. Я вспомнила про ложку и попросила йогурт.

Он снял крышку, придвинул столик и подложил салфетку под упаковку, чтобы она меньше скользила. Левой рукой я взялась за толстую ручку и сначала поддела слишком много, потом развернула кисть так, что половина йогурта сползла обратно.

Матвей смотрел в телефон.

Я попробовала ещё раз. Довела ложку до рта и проглотила. Ничего особенного. Обычный сладкий йогурт, который я в другой день не стала бы есть из-за количества сахара.

Я сделала ещё одну попытку.

— Удобная, — сказала я.

— Хорошо.

Он так и не поднял головы. Я была ему за это благодарна, пока не поняла, что он, конечно, всё замечает.

После третьей ложки запястье заныло, и я отложила её на салфетку.

— Всё?

— Пока.

Матвей закрыл упаковку и убрал столик. Я смотрела на место, где он только что стоял, и вдруг сказала:

— Что будет, когда меня выпишут?

Он сел.

— Будут назначения, перевязки, реабилитация. Организуем.

— Рудин, я спрашиваю, кто будет открывать мне йогурт.

Он не улыбнулся.

— У тебя мама хотела приехать.

— У неё спина. Она полдня по квартире ходит и потом ложится. Через неделю я сама начну искать, кто ей поможет.

— Инга может найти помощницу. Днём.

— А ночью? Мне надо будет заранее планировать, когда я захочу воды?

Он посмотрел на мои руки. Я пожалела, что начала, но остановиться уже не могла.

— У меня дома всё закрывается, завинчивается или требует двух рук. Я даже дверь с той стороны не открою, если её нормально потянуть.

— Есть люди, которые с этим помогают.

— Я понимаю. Я могу им заплатить. Сегодня я хочу понимать, кто это будет.

Матвей некоторое время молчал. Из коридора доносился телевизор, и кто-то всё время переключал канал, не задерживаясь ни на одной передаче.

— Давай сначала узнаем, что тебе понадобится к выписке, — сказал он. — Я приеду к врачу, если хочешь.

Я кивнула. Он предложил достаточно, чтобы я могла отступить, сохранив остатки гордости.

— И маме позвони, — добавил он. — Она будет ждать.

— Я звонила.

— Тогда завтра.

Я закрыла глаза, пока он поправлял одеяло возле моих ног. Когда-то я бы спросила, не собирается ли он заодно читать мне сказку перед сном. Сейчас у меня не хватило бы смелости услышать, что он может уйти.

Позже, когда лекарство подействовало и боль немного отпустила, я попросила Матвея включить новости клиники. Я могла бы объяснить это тем, что хочу проверить расписание. На самом деле хотелось увидеть что-нибудь знакомое, хоть кресло в приёмной, хоть цветы, которые Инга упорно ставила на стойку, несмотря на мои возражения.

Первая публикация была новой.

На фотографии я стояла возле операционной в своей обычной шапочке, подняв руку, чтобы поправить маску. Я помнила этот кадр. Его сделали между двумя операциями, и мне не понравилось, что в кадре оказалась Лена, которой я что-то объясняла. В итоге фотографию обрезали.

Теперь над ней стояла подпись.

«По просьбе Алисы Воронцовой на период восстановления её приём и операции переданы коллегам».

— Прочитай, — сказала я.

Матвей прочитал вслух. Дальше шли пожелания здоровья, слова о команде и телефон для перезаписи.

Я дождалась, пока он закончит, и попросила набрать Ингу.

Она ответила не сразу. На заднем плане работала кофемашина, потом послышался скрип стула.

— Алис, тебе привезли ложку?

— Я просила убрать «по просьбе».

Кофемашина замолчала.

— Да. Я отправила исправленный текст. Сейчас проверю, почему выложили старый.

Я смотрела на фотографию. Моя рука застыла возле лица в совершенно обычном движении, и мне захотелось потребовать, чтобы убрали ещё и её.

— Ты сама читала перед публикацией?

— Нет. Уехала к тебе, потом весь день занималась переносами.

— Тогда попроси снять.

— Я сейчас всё исправлю.

Она заговорила быстрее, одновременно щёлкая клавишами. Я знала, что у неё дома тихая клавиатура, а в кабинете старая, с западающей буквой. Значит, она ещё была в клинике.

— Инга, просто сними.

— Там уже много комментариев. Люди спрашивают про свои операции. Я заменю первую строчку, всё остальное согласовано.

Матвей сидел рядом, положив руки на колени. Я посмотрела на него, потом снова на телефон.

— Я лежу здесь меньше суток, — сказала я. — Дай мне самой решить, как сообщить об этом людям.

На том конце стало тихо.

— Хорошо, — ответила Инга. — Уберём. Утром поговорим.

Я попросила завершить звонок и какое-то время не могла смотреть ни на телефон, ни на Матвея. Потом всё-таки спросила:

— Там было что-нибудь ещё?

Он понял, что я имею в виду, и открыл комментарии.

Большинство желали здоровья. Кто-то написал, что молится, кто-то советовал клинику в другой стране, одна женщина приложила фотографию букета, который собиралась мне передать. Я узнала фамилию человека, которого оперировала три года назад. Прочитала его пожелание дважды.

Потом увидела комментарий от пациентки Костина.

«Так вот почему мне сегодня предложили операцию на следующей неделе. А я думала, ещё полгода буду ждать».

Женщина поставила улыбающийся смайлик. Под ним кто-то ответил, что пора дать дорогу другим хорошим врачам.

— Закрой, — сказала я.

Матвей убрал телефон.

— Они тебя не знают.

Я посмотрела на него. Сколько раз он стоял рядом, когда я требовала от Веры объяснить, почему пациент уже двадцать минут ждёт, а потом сама задерживалась на полчаса из-за разговора с журналистом? Сколько раз слышал, как я называю очередь признаком хорошей работы?

— Некоторые знают, — сказала я.

Он промолчал.

Я ждала, что он скажет. Если бы начал уверять меня, какая я добрая и справедливая, я бы, наверное, выгнала его из палаты.

Матвей придвинул стакан с водой.

— Хочешь?

— Пока нет.

Телефон снова завибрировал. На экране появилось имя Глеба. Я попросила открыть сообщение, потому что на звонок сейчас не хватило бы сил.

«Я могу приехать завтра. Скажи только, когда».

Ниже тут же появилось ещё одно.

«И объясни мне, почему ты поехала через старый перевал?»

Я перечитала сообщение. Во время звонка перед выездом мы обсуждали, сколько ждать гостей и успеет ли он переодеться. На старую дорогу я решила свернуть уже потом.

— Матвей, — сказала я, — набери ему.

Он подал телефон ближе, а я продолжала смотреть на экран, пока шли гудки.

Глеб ответил почти сразу.

— Алис, наконец-то. Ты как?

— Откуда ты знаешь, какой дорогой я ехала?

Глава 3. Глава 3. Условия проживания

— Из новостей, Алис. Ты видела, что там пишут?

— Где нашли машину, я тоже знаю. Ты спросил, почему я выбрала эту дорогу.

Глеб молчал, и я впервые пожалела, что мы разговариваем по громкой связи. Матвей сидел рядом и слышал каждую паузу.

— Я собирался снимать твой приезд, — сказал Глеб. — Оператор ждал на старой дороге.

Я приподняла голову с подушки.

— Какой оператор?

— Для ролика к обложке. Машина подъезжает, ты выходишь, дальше вечеринка. Я тебе завтра всё покажу.

— Ты снимал меня на дороге?

— Я сказал, оператор ждал. Тебя у него нет.

— Зато у кого-то теперь есть мой маршрут.

Матвей поднялся со стула, и я чуть не поймала его за рукав. Он только придвинул телефон ближе, чтобы мне не приходилось тянуть шею.

— Приезжай с утра, — сказала я Глебу. — И принеси всё, что касается этой съёмки.

— Алис, послушай…

— Завтра.

Я попросила Матвея закончить звонок.

Он убрал телефон на тумбочку, но садиться не стал. Мне хотелось услышать, что он думает о Глебе. Матвей застегнул пиджак и спросил, могу ли я отпустить его домой.

— Это твой тонкий намёк, что я опять распоряжаюсь чужим временем?

— Это мой грубый намёк, что я сплю по три часа.

— Езжай. Завтра можешь не приезжать.

Он посмотрел на меня.

— Алиса.

— Что?

— Я приеду после работы.

Я отвернулась к окну, пока он собирался, а когда подошёл попрощаться, сказала:

— Выспись хотя бы.

— Попробую.

Он задержался возле кровати, и мне снова стало неловко от того, как сильно я хочу, чтобы он меня коснулся. Но Матвей только улыбнулся и ушёл.

Глеб появился в половине десятого с ноутбуком и огромным букетом. Лидия на входе сказала, что сначала найдёт, во что поставить цветы, и забрала у него половину композиции вместе с упаковкой.

— Ты что, ограбил свадьбу? — спросила я.

Он оглядел оставшиеся в руках розы.

— До этого момента я считал, что удачно зашёл в цветочный.

Вчера я представляла, как он меня увидит, и заранее злилась. Утром попросила помочь вымыть лицо, расчесать волосы и поправить халат. Пока мы с Лидией возились, успела трижды сказать себе, что делаю это исключительно для собственного удобства.

Глеб поставил цветы на подоконник. Я заметила, как он задержал взгляд на моих руках, и приготовилась к его привычке всё переводить в слова. Он спросил только:

— Обнять можно?

Я кивнула. Он наклонился, и я уткнулась щекой в воротник его пальто, пахнущий холодным воздухом и знакомым одеколоном. На секунду захотелось положить руки ему на спину. Я даже дёрнула левым плечом, прежде чем вспомнила.

Глеб отстранился первым.

— Я могу сесть?

— Если пришёл сесть, придётся подождать. Сначала показывай.

Он достал ноутбук. План съёмки был коротким: адрес ресторана, время, место для машины и две точки, где должны были стоять операторы. Одна на парковке. Вторая на площадке за поворотом старой дороги.

Перед тем самым поворотом, где я вылетела, никаких площадок не было. Значит, оператор ждал уже дальше.

— Почему здесь? — спросила я.

— Оттуда хороший вид на подъезд. Фары видно заранее, можно успеть подготовиться.

— А если бы я поехала по основной?

— Мы знали про сужение. Решили, что ты свернёшь.

— И даже не позвонили мне?

— Ты на любую дополнительную съёмку отвечала, что у тебя закончились свободные части тела, которые можно продать редакции.

— Очень рада, что у меня наконец появился шанс отдохнуть от остроумия.

Глеб опустил глаза. Он закрыл план.

— Я должен был спросить. Ты права.

— Открой обратно.

Он открыл. Я попросила показать переписку. Координатор, девушка из редакции, два оператора, фотограф из ресторана. Инга тоже получала сообщения, потому что занималась гостями. В общем чате было одиннадцать человек.

— Их телефоны пришли мне. И файл целиком.

— Сделаю.

— С оператором поговори. Пусть сохранит всё, что снимал на дороге.

— Он сказал, ты у него в кадр не попала.

— А остальные машины? До меня? После? Он что, камеру только в девять включил?

Глеб потянулся к телефону.

— Я спрошу.

Я смотрела, как он набирает сообщение, и вспоминала фотографию, которую он обещал оставить только нам, а потом показал на выставке. Я сидела на полу ванной после разговора с родственниками пациента. Глеб тогда сказал, что впервые за месяц увидел, как я плачу, и не сумел отложить камеру.

— Ты опять решил за меня, — сказала я.

Он перестал печатать.

— Да.

— Ты помнишь, чем закончился предыдущий раз?

— Я помню, как ты собрала мои вещи в мешки для мусора.

— Хорошие были мешки. Дорогие.

Глеб коротко усмехнулся и положил телефон рядом с ноутбуком.

— Я приехал ещё и потому, что испугался. Если хочешь, я всё пришлю и уйду. Но мне вчера сообщили, что твою машину нашли под обрывом, и я до сих пор не умею спокойно произносить эту фразу.

Он был небрит, под левым глазом подёргивалась мышца. Раньше так случалось, когда Глеб ночами сидел над съёмкой и забывал поесть.

— Кофе сколько выпил?

— Уже нельзя считать.

Я отвела взгляд.

— Воды себе налей. Кружки в шкафу.

Он встал, и я вдруг поняла, что действительно хочу, чтобы он остался.

В дверь постучали. Андрей Викторович зашёл с Лидией, поздоровался с Глебом и попросил освободить столик. Я уже собиралась велеть Глебу выйти, когда врач сказал, что нужно будет посмотреть обе руки.

У халата было два завязанных пояса. Наружный Лидия распустила сразу, внутренний затянулся узлом. Я сама попросила завязать его крепче перед приходом Глеба.

— Сейчас ножницы принесу, — сказала Лидия.

— Давайте я, — предложил он.

Я посмотрела на него.

— Только попробуй сказать, что руки помнят.

— Я надеялся, ты этого не вспомнишь.

Он присел сбоку, нашёл завязки и начал распускать узел. Его пальцы задели кожу над талией. Я сразу перестала смотреть на врача.

— Глеб.

— Сейчас.

— Ты слишком стараешься.

Он поднял глаза, и я увидела в них ровно то, о чём сама только что подумала. Стало жарко. Господи, мне вчера помогали есть, а сегодня я лежу перед бывшим мужчиной и жду, когда он ещё раз случайно проведёт пальцами по коже.

Узел поддался. Глеб отвёл руки, выпрямился и без дальнейших просьб вышел в коридор.

Андрей Викторович осмотрел кисти, спросил про боль и рассказал, что будут делать дальше. Я слушала внимательнее, когда речь зашла о выписке.

— Если всё будет спокойно, через несколько дней можно домой. Важно заранее решить, кто будет помогать.

— Сколько времени?

— В первые недели точно понадобится помощь в быту. Потом будет зависеть от состояния рук. Мы дадим рекомендации и обсудим всё перед выпиской.

Я посмотрела на внутреннюю завязку халата. В двух сантиметрах от кожи была моя новая единица измерения самостоятельности.

— Хорошо, — сказала я.

Когда Глеб вернулся, ноутбук я попросила убрать. Хотелось поговорить с ним о чём-нибудь, что не требовало искать доказательства.

Он показал фотографию студийного кота, которого принесли вместе с арендованными декорациями и так и не забрали.

— Ты ведь терпеть не мог шерсть.

— Он терпеть не может меня. Мы нашли, на чём строить отношения.

Я засмеялась. Глеб посмотрел на меня и на секунду замолчал, а мне стало ясно, как долго я ждала, чтобы кто-нибудь посмотрел именно так.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Продолжай.

— Ты хочешь, чтобы я смеялась по заказу?

— Я много лет тебе за это платил.

— Ни копейки, между прочим.

Дверь открылась, и на пороге появился Матвей. На нём ещё была рабочая одежда под курткой. Он держал пакет с документами, которые я утром попросила забрать из клиники.

— Я по дороге, — сказал он, посмотрев сперва на Глеба, потом на меня.

— Заходи, — ответила я слишком быстро.

Глеб встал. Они поздоровались, пожали друг другу руки, и я успела совершенно некстати заметить, какие у них разные ладони. У Глеба на большом пальце была свежая царапина, Матвей прикрывал запястье манжетой.

— Здесь документы, — сказал Матвей. — Инга попросила передать. И твоя зарядка от ноутбука.

— Глеб уже привёз ноутбук.

— Вижу.

Он положил пакет. Глеб посмотрел на свободный стул возле окна, взял пальто и сказал, что ему пора.

Я хотела возразить. Глеб опередил меня, наклонился и поцеловал в щёку. Мне хватило бы чуть повернуть голову, чтобы получилось совсем иначе.

— Про запись я узнаю. Позвоню вечером, — сказал он.

— Хорошо.

Уже в дверях он повернулся.

— Если понадобится помощь дома, позвони. Я могу освободить несколько дней.

— Мы обсудим, — сказала я.

Когда дверь закрылась, Матвей достал телефон и посмотрел на время.

— Ты зря сюда заезжал, если торопишься, — сказала я.

— Я привёз то, что ты просила.

— Мог оставить на посту.

— Мог.

Он не собирался мне помогать с этим разговором, и я уже начинала злиться.

— Сядь хотя бы.

Матвей сел на только что освободившийся стул. Я посмотрела на свои руки и вдруг разозлилась ещё сильнее оттого, что не могу даже занять их, пока думаю, как продолжить.

— Глеб объяснил, откуда знал про маршрут, — произнесла я. — Наконец-то хоть что-то выяснилось.

— Тогда хорошо, что вы поговорили.

— Рудин, ты сейчас ревнуешь или просто устал?

Он выдержал мой взгляд.

— И то и другое. Но отвечать мне на это тебе не обязательно.

Я почувствовала короткое, совершенно неприличное удовольствие. Почти сразу захотелось проверить, далеко ли можно зайти.

— Мы с Глебом жили вместе. Тебя это удивляет?

— Алиса, я знаю, кто он.

— А я, по-твоему, уже слишком больная, чтобы…

— Чтобы он тебе нравился? Нет.

Я замолчала. Матвей откинулся на спинку стула и потёр лицо ладонями.

— Я вышел после операции, заехал к тебе и сейчас собираюсь домой. Если ты хочешь поговорить про Глеба, давай вечером, когда я перестану отвечать всё, что думаю.

— А что ты думаешь?

Он убрал руки от лица.

— Что мне очень хотелось тебя увидеть. А теперь я сижу и жду, когда ты закончишь проверять, останусь ли я, если будет достаточно неприятно.

У меня свело живот. На этот раз я даже не смогла придумать ответ, которым можно было бы задеть его сильнее.

Матвей встал.

— В пакете всё подписано. Если чего-то не хватает, напиши.

— Подожди.

Он остановился возле стула.

— Врач говорит, скоро можно домой, — сказала я. — Через несколько дней.

— Это хорошо.

— Я хочу попросить тебя пожить у меня.

Он посмотрел на меня. Я услышала, как нелепо прозвучало предложение сразу после нашей ссоры, и заставила себя продолжить.

— На месяц. Утром и вечером будешь помогать, днём найду человека. Я заплачу. Столько, сколько договоримся.

— Почему меня?

Потому что вчера вечером, когда ты выключил лампу, я впервые перестала ждать, что сейчас снова услышу удар.

Я посмотрела на край одеяла.

— Ты знаешь, что мне нужно.

— Глеб тоже знает. Он предложил.

— Он через три дня уедет на съёмку. Потом ещё на одну. Через неделю я начну ждать, в каком городе ему будет удобнее отвечать на мои звонки.

— А я удобный?

Я подняла глаза.

— Я не это сказала.

Матвей стоял молча. Мне очень хотелось напомнить, что я сейчас лежу в больнице и ему стоило бы сделать скидку. Потом представила, как он всё-таки соглашается, а я на следующий день использую ту же скидку ещё раз.

— Я хочу, чтобы это был ты, — сказала я.

Он сел обратно.

— С работой что?

— Работаешь как обычно. Если остаёшься в клинике, я заранее знаю, кто будет вечером.

— И если я что-то делаю по-своему?

Я чуть не сказала, что он может по-своему складывать носки в гостевой. Успела остановиться.

— Говорим.

— Действительно говорим, Алиса. Без вызова к начальству на кухню.

— Ты сейчас очень рискуешь остаться без премии.

Он посмотрел на меня. Я не выдержала и улыбнулась. Матвей тоже, совсем немного, и от этого стало легче дышать.

— Гостевая твоя, — сказала я. — Можешь закрывать дверь.

— Стучать будешь?

— Локтем. Очень настойчиво.

Он покачал головой.

— Помощь с руками обсуждаем с врачом. Ночью зовёшь, если нужна помощь. Днём говоришь, если хочешь побыть одна. И когда ты велишь мне уйти, я уйду. Бегать по квартире и выяснять, в какой именно раз ты имела это в виду, я не собираюсь.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Подумай до вечера.

Он встал. Мне показалось, что уже отказал, просто выбрал удобную формулировку. Всё, что я успела представить, гостевая, утренняя кухня, его рубашка на спинке стула, сразу стало выглядеть унизительно подробным.

— А ты? — спросила я.

Матвей посмотрел на меня.
— Я до вечера поищу свой чемодан.

Глава 4. Глава 4. Дорогое удовольствие

— Это ты в таком виде поедешь со мной?

Матвей остановился у двери палаты, держа в одной руке мою сумку, а в другой — небольшой чемодан.

— Нет, Воронцова. Я рассчитывал, что ты сядешь в машину, а я побегу следом.

— Я про футболку.

Он посмотрел на себя, потом на меня.

— Она чистая.

— Приятно, что у нас одинаковые требования к одежде.

Выписывали меня на пятый день после аварии, и за утро я успела поссориться с Ингой, медсестрой и женщиной, которая искала мне помощницу. Последняя назвала мой характер «дополнительной сложностью в уходе». Пришлось объяснить, за что я собираюсь платить.

Матвей поставил чемодан.

— Переодеться у охраны попросить или ты уже согласна терпеть меня до дома?

Я смотрела на него слишком долго. Тёмная футболка обтягивала плечи и грудь, оставляя открытыми предплечья с проступившими венами.

Пять лет он ассистировал мне на операциях, а я до сих пор смотрела на него недостаточно внимательно.

Вьющиеся тёмные волосы он подстриг недавно, но над лбом они уже начали заворачиваться. В свои тридцать четыре, чисто выбритый, с тяжеловатой челюстью и карими глазами, он выглядел отдохнувшим и совершенно не собирался извиняться за своё появление.

Это было особенно неприятно на фоне того, что я увидела утром в зеркале.

Чёрное каре с одной стороны торчало после сна, под зелёными глазами залегли тени. Кожа, которую косметолог годами доводила до состояния выставочного образца, казалась слишком светлой. Острые скулы и раньше придавали мне высокомерный вид, а теперь я выглядела так, будто высокомерие осталось единственным доступным развлечением.

Я попросила расчёску, потом зеркало, затем убрать зеркало. С третьей попытки мы с Лидией привели волосы в порядок, и я настояла на светлых брюках с широкой резинкой и дорогом кашемировом кардигане. В нём руки с шинами казались ещё нелепее, зато сама я наконец была похожа на человека, которому есть куда ехать.

— Терпеть согласна, — сказала я Матвею. — Чемодан у тебя маленький.

— На месяц хватит.

Он произнёс это так просто, что я сразу вспомнила о гостевой. Там лежали коробки с зимними туфлями, две картины, которые я собиралась повесить, и вещи, которые Глеб не забрал после расставания.

Инга ждала возле лифта и разговаривала по телефону. Она успела выспаться, уложить длинные чёрные волосы в низкий хвост и надеть бордовый костюм, который я когда-то отговорила её покупать. На ней он всё равно сидел хорошо. Тёплая смуглая кожа, тёмные глаза, аккуратные золотые серьги — Инга умела даже к выписке подруги явиться так, будто после нас у неё встреча с инвесторами.

В свои сорок три Инга вообще редко выходила из дома без плана, кого убедить и что подписать.

Она закончила разговор, забрала у меня выписку и передала Матвею. Я чуть не потребовала вернуть бумаги, хотя сама ни разу не смогла бы перевернуть страницу.

Инга была моей давней подругой и совладелицей клиники. Я приводила врачей и пациентов, она занималась деньгами и персоналом. Мне нравилось считать, что самая сложная часть досталась мне.

— Позвони, когда доедете, — сказала она Матвею.

— Я ещё умею разговаривать, Инга.

— Тогда позвони сама.

В лифте Инга держала дверь, Матвей нёс мои вещи, а я следила за руками в зеркале, чтобы никто случайно не задел. К машине я подошла уже злая на весь мир. Матвей помог сесть, застегнул ремень и поехал через город, как я просила ещё в больнице.

Первое, что Матвей сделал у меня дома, — переставил кофемашину.

Я стояла посреди кухни и смотрела, как он вытаскивает из-под неё тяжёлый поднос, на котором стояли чашки.

— Поставь обратно.

— До воды тебе здесь легче дотянуться. И чашку не придётся нести через всю кухню.

— У меня человек приходит утром. Мне всё расставляют так, как удобно.

Он поставил машину у розетки, повернулся.

— Сейчас человеку удобно вот так.

— Матвей.

Он подождал.

Я посмотрела на открытый ящик с ложками. Между ними лежала та самая широкая ручка, которую он купил мне в больницу. Возле мойки стояла пластиковая кружка с двумя ручками.

— Это откуда?

— Купил.

— Убери.

— Она лёгкая.

— Я не собираюсь пить из поильника.

Матвей взял кружку, убрал в шкаф и вернулся к кофемашине. Я увидела, что он остановился, оставляя мне возможность закончить разговор, и почему-то именно это окончательно испортило мне настроение.

Пока он относил вещи в гостевую, я прошла в ванную. На полке возле раковины уже лежала его зубная щётка. Чёрная, обычная, с выцветшей надписью на ручке. Рядом Матвей поставил мой крем так, чтобы его можно было открыть, придерживая предплечьем.

Я посмотрела в зеркало. Красивое лицо, которое я умела выставлять под нужным углом даже тогда, когда рядом не было камеры, сейчас было перекошено злостью. Он уже знал, где будет стоять, пока я пытаюсь чистить зубы, а я ещё не успела признать, что мне придётся его позвать.

Матвей появился в дверях.

— Помочь снять кардиган?

— Ты уже решил, где будешь держать мои таблетки?

— На кухне. По расписанию в выписке.

— И кому я буду звонить, тоже решил?

Он перевёл взгляд на телефон, который лежал возле раковины.

— Я его туда положил, потому что ты просила поставить рядом.

На экране горело сообщение от Глеба.

Мой бывший мужчина, фотограф, с которым я прожила четыре года, спрашивал, в какое время лучше приехать. Я представила его у зеркала за своей спиной: короткие медно-рыжие волосы, светлая щетина, голубые глаза и веснушки возле висков, которых к сорока одному стало ещё больше.

Я знала, как он целуется, когда стоит за моей спиной возле зеркала. Матвей стоял почти на том же месте.

— Прочитай, что он написал, — сказала я.

Он прочитал.

— Ответь, что вечером можно.

Матвей набрал сообщение большим пальцем и показал мне перед отправкой. Я кивнула. Он отправил и положил телефон.

— Кружку тоже можешь достать к его приходу, — сказала я. — Пусть оценит.

— Хочешь, я уйду, пока он здесь?

— Я хочу, чтобы у меня в квартире перестали распоряжаться.

— Я переставил кофемашину, Алиса.

— Вместе с половиной моей жизни.

Он медленно выдохнул.

— Хорошо. Покажи, что вернуть на место.

И опять дал мне возможность остановиться. Я уже чувствовала, что делаю, и всё равно продолжила.

— Для начала оставь щётку в гостевой ванной. И вещи не раскладывай по общим шкафам. Ты здесь на месяц.

— Помню.

— А то ты очень быстро освоился.

Матвей посмотрел на меня уже без той терпеливой полуулыбки, которая обычно меня успокаивала.

— Я принёс тебе вещи, поставил воду поближе и спросил, помочь ли раздеться. Ты можешь просто сказать, что устала.

— Мне тридцать девять лет. Разрешение на усталость я у тебя не спрашивала.

Он кивнул и потянулся за зубной щёткой. Я видела, как она легла ему в ладонь, и вдруг поняла, что хочу, чтобы он её оставил.

— Матвей.

Он остановился.

— Мне нужна помощь по дому. Мы именно об этом договаривались. За остальным я обращусь к тем, с кем у меня есть личные отношения.

Он убрал щётку в карман.

— Тогда я помогу тебе найти другого человека.

Сказал спокойно и вышел из ванной.

Я пошла за ним. В гостевой он расстегнул чемодан, положил щётку в боковой карман и достал из шкафа две футболки, которые успел повесить.

— Ты серьёзно?

— Да.

— За одну щётку?

Он сложил футболку.

— За разговор.

Я прислонилась плечом к косяку.

— Назови сумму. Может, я неправильно оценила, сколько стоит твоя обидчивость.

Он поднял голову. Мне стало страшно, и я тут же сказала хуже.

— Пять лет в операционной тебя не смущало, что я прошу подать и убрать. Считай, временно сменил помещение.

Матвей отложил футболку. Несколько секунд смотрел на меня так, что я впервые захотела, чтобы он накричал. Крик дал бы мне возможность ответить.

— Когда ты зовёшь меня в операционную, я знаю, зачем пришёл, — сказал он. — Сейчас я ошибся.

Он закрыл чемодан.

У меня было ещё несколько фраз, от которых люди обычно останавливались и возвращались ко мне с извинениями. Матвей поднял чемодан и прошёл мимо.

Я отступила, пропуская его.

В прихожей он надел куртку и положил ключи на тумбу. Точно туда, где я велела их оставлять, когда мы вошли.

— Кому позвонить, чтобы приехали? — спросил он.

Я смотрела на ключи.

— Никому.

Он достал телефон.

— Тогда я дождусь Глеба.

— Не надо его ждать.

Матвей поднял глаза.

У меня вдруг исчезли все слова, которыми я умела распоряжаться. Осталось его имя.

— Матвей.

Он убрал телефон.

Я подошла и остановилась совсем близко, почти касаясь лбом его груди. Я могла бы сказать, что он неправильно понял. Он стоял и ждал.

— Расстегни мне кардиган, пожалуйста.

Он посмотрел на пуговицы, потом на меня.

— Позову помощницу. Ты можешь выбрать…

— Я прошу тебя.

Матвей не двинулся.

Я подняла левую руку и осторожно коснулась его запястья. Под пальцами была тёплая кожа. Хотелось, чтобы он сам взял меня за руку, а он всё стоял и смотрел.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

Он медленно опустил чемодан.

— Тогда зачем ты всё это сказала?

Я открыла рот. Даже сейчас первым пришло в голову, что он мог бы перестать разбирать каждое слово.

— Потому что ты начал помогать, а я увидела, сколько всего мне теперь не сделать, — сказала я. — И решила испортить тебе настроение, раз уж моё испорчено.

Он молчал.

— Получилось?

— Да.

Я кивнула. Хотелось спрятаться у него на груди. Я умела это делать с мужчинами и знала, какой поворот головы выглядит беззащитнее. Я чуть отстранилась, заставив себя посмотреть ему в лицо.

— Останься, — сказала я. — Я прошу.

Матвей посмотрел на мою руку у себя на запястье.

— Скажи ещё раз, за чем ты обращаешься к людям, с которыми у тебя личные отношения.

Я опустила глаза. На его куртке был маленький мокрый след от дождя.

— Я хотела, чтобы ты приревновал.

— Я приревновал ещё в больнице. Могла сэкономить время.

Я невольно улыбнулась, но он не улыбнулся в ответ.

— А потом решила напомнить, кто платит.

Это уже пришлось произнести самой.

— Да.

Он снял куртку. Повесил её на крючок и только после этого осторожно убрал мою руку со своего запястья.

— Я останусь сегодня. Завтра поговорим ещё раз, когда ты отдохнёшь.

Мне очень хотелось сказать, что никакого разговора больше не требуется. Вместо этого я кивнула.

Кардиган он расстёгивал медленно, придерживая ткань у каждой пуговицы. Я смотрела ему на подбородок, потому что смотреть ниже было опасно, а прямо в глаза — пока трудно.

— Рукав сначала слева? — спросил он.

— Да.

Он помог мне освободить левую руку, потом правую и аккуратно стянул ткань с плеч. Под кардиганом была мягкая майка на широких бретелях. Матвей старался держать ладони на ткани, и от этой старательности мне хотелось попросить его сделать хоть одно движение не так правильно.

— Ты очень долго учился? — спросила я.

— Чему?

— Не смотреть.

Он поднял глаза.

— Пока выходит плохо.

У меня потеплели щёки. Я успела забыть, как приятно получить от него прямой ответ на вопрос, который сама задала с подвохом.

Матвей отошёл повесить кардиган, задержав взгляд на моих открытых плечах.

— Ну? — спросила я.

— Что «ну»?

— Футболку всё-таки можно было надеть другую.

Он посмотрел на собственную грудь.

— Тебе чем она мешает?

— Слишком отвлекает от твоих недостатков.

Матвей рассмеялся, и мне тоже стало смешно. Он прислонился к стене, а я впервые увидела в зеркале, как мы можем выглядеть вдвоём у меня дома, когда он просто смотрит на меня и улыбается.

Потом он поднял чемодан.

— Вещи пока в гостевую?

— Да.

— Щётку?

Я посмотрела на него.

— В ванной оставь.

— Кофемашину?

— Рудин, не наглей.

Из гостевой донеслось, как он положил чемодан и открыл шкаф. Я прислушалась, словно по этим звукам можно было понять, что он решил.

На кухне он вернул кофемашину на место и поставил на стол мою любимую чашку, налив воды на несколько глотков. Я устроилась напротив и велела ему хотя бы поесть, раз он вечно откуда-то после работы приезжает голодный.

Телефон завибрировал возле его локтя. Сообщение от Глеба было видно на экране.

«Буду к восьми. Могу привезти ужин».

Я посмотрела на Матвея. Он тоже прочитал и отвёл взгляд.

— Набери ему ответ, — сказала я.

Матвей взял телефон.

— Что написать?

Я уже почти сказала, чтобы Глеб привёз что-нибудь и на него тоже. Очень хотелось проверить, как они будут сидеть за одним столом, кто первым подаст мне воду, кто останется на кухне, когда второй выйдет.

Матвей ждал.

— Что сегодня не надо приезжать, — сказала я. — Я хочу побыть дома.

Он набрал и показал экран. Я разрешила отправить.

Потом посмотрела на него внимательнее.

— Ты останешься из-за того, что я отменила Глеба?

— Я ещё в прихожей сказал, что останусь.

— Только сегодня.

Матвей положил телефон.

— На месяц мы договаривались помогать тебе дома, Алиса. А ты сейчас чего хочешь?

Я почувствовала, как пересохло во рту. На этот вопрос можно было ответить легко и смешно, можно было потребовать принести кофе или упрекнуть его в самоуверенности. Я всё утро делала именно так.

— Чтобы ты перестал спрашивать, можно ли ко мне прикоснуться, — сказала я.

Матвей чуть наклонился вперёд.

— Если ты имеешь в виду что-то кроме помощи с одеждой, скажи.

Я посмотрела на его рот и впервые пожалела, что он сидит так далеко.

— Иди сюда, Рудин.

Глава 5. Слишком близко

Матвей встал, но ко мне не подошёл. Отнёс чашку к мойке, сполоснул и поставил сушиться.

Я смотрела на его спину с нарастающим возмущением.

— Рудин, если ты сейчас начнёшь загружать посудомойку, я пересмотрю условия оплаты.

Он обернулся.

— А я думал, ты передумала.

— Я тебя позвала.

— Слышал. Потом ты посмотрела на меня так, будто собираешься поручить что-то очень неприятное.

— У меня лицо такое.

Он улыбнулся и подошёл. Остановился рядом со стулом, и мне пришлось поднять голову. Через стол приглашать мужчину было гораздо удобнее, потому что в любой момент можно было вернуться к обсуждению кофемашины.

Матвей смотрел прямо на меня. Я замечала, как он старается не улыбаться слишком явно, и от этого хотелось либо немедленно выставить его за дверь, либо попросить наклониться.

— Тебе обязательно стоять так близко?

— Могу отойти.

— Я спросила, обязательно ли.

Он опустил взгляд на мои губы, и я забыла следующую реплику.

Отлично, Воронцова. Оперировать тебя пока не пускают, зато способности осложнять себе жизнь сохранились полностью.

— Ты меня позвала, — напомнил Матвей.

— Я уже начинаю жалеть.

— Отойти?

Я мотнула головой раньше, чем успела придумать достойный ответ.

Он присел на соседний стул. Теперь мы оказались почти на одной высоте, и мне стало ещё труднее прятаться за раздражением. Матвей положил руки на стол, оставив между нами немного места. Я смотрела на его ладонь и вспоминала, как он держал мою в палате. Тогда я позволила себе убедить себя, что нуждалась только в том, чтобы рядом был человек.

— Ты слишком внимательно на меня смотришь, — сказала я.

— Ты сама позвала меня ближе.

— Я рассчитывала, что у тебя хуже зрение.

Он рассмеялся, и я тоже не выдержала. На смешке потянуло в боку. Я поморщилась, прижав локоть к рёбрам, и Матвей сразу перестал улыбаться.

— Прошло, — сказала я раньше, чем он успел спросить. — Можешь продолжать.

— Что именно?

Я подняла на него глаза.

— Вот это. Когда смотришь.

На секунду он стал совершенно серьёзным.

— Алиса, если ты решила доказать себе, что ещё нравишься мужчинам, у тебя получилось.

Меня будто дёрнули назад за воротник. Я отвела взгляд и уставилась в открытый дверной проём.

— Очень самоуверенное заявление для человека, которому я полчаса назад предлагала прибавку за обидчивость.

— Поэтому и спрашиваю.

Я могла бы опять рассердиться. Всё, что я сказала ему в ванной, оставалось при нас, хотя он снова расставлял мои вещи и готов был помочь. Это делало вопрос особенно неприятным.

— Мне не нужен любой мужчина, Матвей.

Он ждал.

— Ты хочешь, чтобы я ещё и фамилию назвала?

— Я хочу, чтобы завтра ты помнила, что сама это сказала.

Я посмотрела на него. Он мог превратить всё в шутку, и я дала бы ему такую возможность с огромным удовольствием. Вместо этого Матвей сидел рядом и ждал ответа, который я не могла потом списать на чужое недоразумение.

— Буду помнить.

Я наклонилась первой. Сначала коснулась его губ совсем коротко, успев испугаться, что он примет это за ещё одну проверку. Но он повернулся ко мне, и второй поцелуй уже не требовал объяснений.

Я закрыла глаза. Пять лет я слышала его голос у себя за плечом, принимала из его рук инструменты, перебивала на полуслове. Теперь он сидел так близко, что мне было трудно понять, почему я раньше сама не сделала эти несколько сантиметров.

Левая рука поднялась по привычке. Я хотела коснуться его лица, но остановилась, почувствовав вес шины. Матвей заметил и осторожно подставил ладонь под предплечье.

— Можно просто сказать, — произнёс он.

— Что?

— Чтобы я сам подвинулся.

Я выдохнула ему в губы. Он подвинулся.

Потом я всё-таки велела ему поесть.

Ужасно глупое занятие после того, как пригласила мужчину поцеловать себя, но Матвей, к моему раздражению, оказался голодным. Он нашёл в холодильнике яйца, а я сидела за столом и следила, как он разбивает их в миску.

— Я думала, ты будешь эффектнее терять голову.

— Могу разбить мимо. Но пол потом мыть мне.

Я посмотрела на крошечный кусок скорлупы, который он вытащил двумя пальцами.

Матвей поставил миску. За окном уже начинало темнеть. Возле плиты стоял мужчина, которого я сама попросила остаться, и мне хотелось подойти к нему просто потому, что теперь можно.

— Кстати, наши спальни рядом, — заметил Матвей, поймав мой взгляд на коридоре.

— Я в курсе. Я выбирала эту квартиру.

— Тогда тебе будет легко меня найти.

— Если захочу воды?

— Если захочешь меня найти.

Матвей поставил мне тарелку и сел рядом. Мне понравилось, что он так сделал, и я тут же испугалась, как легко замечу, если в следующий раз он сядет дальше.

Мы поели. Я справилась с несколькими кусочками сама, потом попросила отодвинуть тарелку. Матвей не начал считать, сколько я съела, и мне ещё раз захотелось его поцеловать.

Я сказала об этом вслух.

Он поднял глаза от своей тарелки.

— Сейчас?

— Ты занят до весны?

— Доедаю.

— У меня прекрасная изоляция в гостевой. Можешь дожевать там.

Матвей засмеялся, отложил вилку и наклонился ко мне. Я коснулась губами уголка его рта, и на секунду мы оба замерли, потому что в этом движении оказалось больше знакомой нежности, чем я собиралась себе позволить.

После ужина я попросила пойти со мной в спальню. Возле зеркала в коридоре остановилась, разглядывая собственное лицо.

Матвей остановился сзади, оставив мне место повернуться.

— Ты чего?

— Ничего.

Я попробовала поправить прядь левой рукой и только растрепала волосы. Он убрал прядь за ухо. Я смотрела на нас в зеркале и с раздражением понимала, что он прекрасно выглядит даже под этим отвратительным светом.

— Если скажешь, что я всё равно красивая, я решу, что ты очень торопишься закончить разговор.

Матвей встретился со мной глазами в отражении.

— Ты красивая. А разговор можно продолжить.

Я отвернулась к нему. Некоторое время мы молча стояли посреди моего коридора, пока я не сказала:

— Я не хочу сегодня оставаться одна.

Он кивнул, и я тут же добавила:

— И не хочу, чтобы ты потом объяснял себе, что просто присматривал за мной.

— Алиса, я тебя поцеловал. Кажется, с этим объяснением мы уже опоздали.

Я рассмеялась и уткнулась лбом ему в плечо. Он осторожно обнял меня, подождал, пока я устроюсь удобнее, и поцеловал в волосы.

В спальне мне пришлось попросить о нескольких вещах, которые в другой день я бы сделала машинально и даже не заметила. Матвей помогал, а я сначала пыталась сопровождать всё колкостями, потом устала и просто начала говорить, как мне удобнее.

Когда он сел рядом, я попросила его остаться. На этот раз мне хватило одного слова.

Позже, прежде чем выключить свет, Матвей спросил:

— Ты уверена?

Я посмотрела на него и кивнула.

— Только завтра давай без этого твоего лица.

— Какого?

— Когда ты очень тактичный и уже знаешь, что мне полезно.

Он коснулся губами моего виска.

— Постараюсь быть невыносимым.

Я уснула, когда за окном ещё не успели погаснуть окна дома напротив. Перед самым сном почувствовала, как Матвей поправил подушку под моей рукой. Раньше я бы обязательно сказала, что и сама лежала удобно. Теперь устроилась ближе и позволила ему остаться.

Утром меня разбудил запах кофе.

Я открыла глаза, посмотрела на пустую половину кровати и сразу разозлилась. Нелепо, ведь Матвей мог уйти в ванную, на кухню, куда угодно в квартире, но я уже успела представить, как он сидит у себя в комнате и думает, что мы поторопились.

Потом увидела его часы на тумбочке. Рядом лежали телефон и ключи. Для бегства он оставил слишком много имущества.

Я лежала и слушала, как он хозяйничает на кухне. Вчера я сама позвала его. Теперь хотелось узнать, что он собирается делать с этим сегодня.

Матвей появился с чашкой, поставил её на тумбочку и присел на край кровати.

— Доброе утро.

— Смотря что ты под этим понимаешь.

Он посмотрел на меня, потом на подушку рядом.

— Я могу уйти, зайти заново и предложить другой вариант.

— Ты всегда утром такой довольный?

— До знакомства с тобой у меня было меньше причин проверять настроение сразу после пробуждения.

Я повернула лицо к окну, чтобы он не видел улыбку. Он наклонился поцеловать меня. Я ответила, хотя собиралась держаться с ним очень спокойно.

— Так лучше? — спросил он.

— Терпимо.

Он подвинул чашку ближе, а я чуть не одёрнула его за то, что опять расставляет вокруг меня вещи. Успела посмотреть на его лицо и промолчала. Матвей остался рядом, хотя вполне мог вернуться на кухню. Я поняла, что сейчас ещё долго буду искать, к чему придраться, если не спрошу прямо.

— Ты не жалеешь? — спросила я.

— О вчерашнем?

Я кивнула, глядя на край одеяла.

— Нет. А ты?

— Я пока решаю, насколько мне нравится отвечать на такие вопросы.

Он протянул руку, но остановился, пока я не подняла свою левую. Осторожно подхватил её и поднёс мои пальцы к губам.

— Тогда решай. Завтрак я могу принести сюда.

— В постель?

— У тебя подходящий столик.

Я посмотрела на него. Он снова улыбался, и на этот раз я не стала отворачиваться.

— Рудин, ты соблазняешь меня оборудованием для реабилитации?

— Стараюсь использовать доступные средства.

Я засмеялась. Потом всё-таки встала и пошла с ним на кухню.

На столе стояли две тарелки. Матвей успел нарезать хлеб маленькими кусками, и я решила сегодня за это не ссориться. Он сел напротив, сам отпил кофе, и мы несколько минут разговаривали о пустяках. О том, как я два года собиралась поменять неудобный смеситель. О его соседях, которые в семь утра считали правильным пылесосить стену.

Потом мой телефон завибрировал.

Имя Глеба появилось над двумя сообщениями и прикреплённым файлом.

Матвей поднял глаза от чашки.

— Открой, пожалуйста, — сказала я.

Он развернул телефон ко мне.

«Нашлись исходники с дороги. Я посмотрел. Позвони, когда сможешь».

Во втором сообщении Глеб написал, что один файл стоит посмотреть сразу.

Я попросила Матвея поставить запись. Он придвинул стул и устроил телефон между нами.

Первые секунды камера снимала приборную панель. Кто-то за кадром попросил проверить звук. Потом изображение качнулось, захватило край дороги и темнеющее небо. По дороге прошла светлая машина, за ней показалась тёмная, высокая.

— Стоп.

Матвей остановил запись.

На кадре был виден только бок. Я придвинулась ближе, всматриваясь в мутное изображение.

— Дальше. Медленно.

Машина прошла мимо и на короткое мгновение оказалась к камере задней частью. Правый фонарь выглядел иначе, чем левый. Там, где должен был быть красный пластик, белело пятно.

Я перестала слышать кухню. Несколько секунд смотрела в экран, пока Матвей не коснулся моего плеча.

— Она?

— Верни назад.

Он вернул. Я посмотрела ещё раз и узнала обломанный край.

Тот же фонарь, который я видела перед поворотом.

— Это она, — сказала я.

Матвей удерживал телефон. Я заметила, что у него погас экран на собственном мобильном: он положил его рядом ещё до того, как началась запись.

— Тут время есть? — спросил он.

Я показала на нижнюю часть кадра. Отметка стояла раньше аварии. Задолго до того, как я успела выехать на этот участок.

— Может быть, часы на камере сбиты, — сказал Матвей.

— Позвони Глебу.

Он включил связь и положил телефон между нами.

Глеб ответил быстро.

— Посмотрела?

— Где именно это снято?

— На развилке перед подъёмом. Оператор проверял камеру, пока напарник разворачивал машину. Они потом поехали к своей точке.

— Время точное?

— Я попросил его проверить. Он поднимет настройки и остальные файлы. Пока точность до минуты обещать не буду.

Матвей подвинул мою чашку, которую я задела локтем. Кофе плеснул в блюдце. Я только сейчас поняла, что мне холодно.

— Машина шла вверх, — сказала я. — Я тоже поднималась от города.

— Я видел, — ответил Глеб. — Полный файл сохранён. Я могу сегодня передать его полиции вместе с оператором.

Я посмотрела на Матвея. Он сидел рядом и слушал, опустив глаза на телефон.

— Передай, — сказала я. — Номер Павла у тебя есть.

— Есть. Алис, он мог стоять дальше по дороге.

— Знаю.

— Я приеду, если хочешь.

Матвей повернул ко мне лицо.

Я всё ещё видела белое пятно вместо фонаря. В больнице машина существовала где-то у меня в голове, и каждый вопрос заставлял сомневаться в подробностях. Теперь она проехала по экрану у меня на кухне. Кто-то сидел за рулём, смотрел на ту же дорогу и мог потом спокойно вернуться домой.

— Я позвоню позже, — сказала я Глебу. — Сначала передай запись.

Когда разговор закончился, Матвей поднялся и снял с соседнего стула мою кофту.

— Накинь.

Я позволила помочь и только потом посмотрела на дверь в прихожей.

Он заметил.

— Закрыто. Я проверял.

— Я никогда не смотрела, кто идёт за мной от лифта.

Матвей сел ближе.

— Сейчас ты дома.

— Он мог прочитать новости.

Я сказала это и поняла, почему меня так напугала запись. Человек в той машине уже мог знать, что я выжила.

Матвей обнял меня за плечи. Я опустила голову к нему на грудь, стараясь не задеть руки. Вчера мне понадобился почти скандал, чтобы попросить его остаться. Сейчас я сразу сказала:

— Посиди со мной, пока я ещё раз посмотрю.

Он кивнул.

Я попросила открыть файл, а потом задержала его левую ладонь возле себя.

— Помоги мне его найти.

Матвей посмотрел на моё лицо.

— Помогу.

Глава 6. Без очереди

— Скальпель я потом в зубы возьму? Или вы и к этому подготовили рекомендации?

В приёмной стало тихо.

Андрей Викторович держал дверь кабинета открытой, потому что я уже собиралась уходить, когда он попросил не пропускать следующие занятия. За последние три недели я успела возненавидеть слово «занятия». Сорок минут перекладывала предметы, потом полдня лежала, глядя на собственную руку, и получала за это похвалу.

— Алиса Сергеевна, мы сейчас оцениваем…

— Я знаю, что вы оцениваете. Я спрашиваю, кто будет заниматься тем, что у меня не работает.

Он посмотрел на людей за моей спиной. Я тоже посмотрела и обнаружила, что нас слушают семь человек. Семеро потенциальных свидетелей того, как лучший нейрохирург города умоляет вернуть ей возможность застёгивать лифчик.

— Давайте продолжим в кабинете, — сказал Андрей Викторович.

— Вы уже всё сказали. Двигать пальцами, ждать, наблюдать. Очень насыщенный план.

— А вы всегда так долго уходите? — спросили у меня за спиной.

Я повернулась.

Мужчина стоял возле дивана и держал в руке папку. Седина у висков, короткие тёмные волосы, серые глаза. На нём была расстёгнутая куртка, под ней простой свитер, и мне сразу не понравилось, насколько уверенно он чувствует себя в помещении, которое мне последние двадцать минут хотелось разгромить.

— Вы всегда разговариваете с незнакомыми женщинами?

— Когда они задерживают приём моего отца, начинаю.

Пожилой мужчина на диване поднял на него глаза.

— Максим, я нормально сижу.

— Вот и сиди, пап.

Я уже открыла рот, но Андрей Викторович успел пригласить их в кабинет.

— Вы собираетесь жаловаться? — спросила я Максима.

Он придержал дверь отцу, потом посмотрел на меня.

— Пока определяюсь, на что именно.

— Не торопитесь. Вдруг вам просто скучно.

— Было. До вас.

Он прошёл в кабинет, и дверь закрылась у меня перед носом.

Я посмотрела на неё так, будто за ней продолжался спор. Потом поймала взгляд администратора.

— Что?

Девушка тут же опустила голову к монитору.

Я отошла к окну и достала телефон. Плотные шины за последние недели сменились назначенными фиксаторами, но со связками ключей и мелкими кнопками я по-прежнему воевала, как с личными врагами. Левая рука слушалась лучше. Правую я иногда забывала отвести и потом долго ругалась на собственную неосторожность.

Матвей прислал сообщение.

«Как прошёл приём?»

Я набрала левой рукой «Великолепно» и стёрла. Нашла переписку, в которой вчера просила отправить документы другому специалисту.

«Ты переслал обследования?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Мы договорились дождаться следующего. Ты сама вчера сказала».

Я перечитала сообщение. Вчера я сказала, что обследование будет следующим утром, и попросила отправить то, что уже есть. Матвей в это время искал рубашку, разговаривал со мной из гостевой и в конце ответил, что займётся.

Я хорошо помнила рубашку. Синий воротник зацепился за вешалку, и он отцепил его, держа телефон плечом.

«Я просила отправить. Сделай сегодня, пожалуйста».

Он позвонил. Я вышла в пустой коридор возле лестницы.

— Ты же сама сказала подождать.

— Матвей, я отлично помню, что сказала.

— Ты вчера засыпала на ходу. Я не стал спорить.

Я посмотрела на ступеньки. Вчера я действительно рано легла. Перед сном ещё успела прочитать заключение, продиктовать Инге два сообщения и поссориться с доставкой, которая привезла чужие продукты.

— Отправь, — сказала я. — Если я передумаю, врач просто не станет их читать.

— Хорошо. Ты скоро домой?

— Пока не знаю.

— Ты опять злишься из-за приёма?

Я закончила разговор прежде, чем решила, на кого именно злюсь.

На экране загорелся ещё один номер. Павел, который занимался аварией, ответил на моё утреннее сообщение. Машину по записи продолжали искать. Часы камеры проверили, время соответствовало, но одного фрагмента было мало, чтобы восстановить события.

Я позвонила сама.

— Там видно разбитый фонарь. Вы же его видите?

Он видел. И оператор уже объяснил, где стоял. И запись получили целиком. И если появится что-то, о чём мне можно сообщить, мне сообщат.

Я вернулась в приёмную с телефоном у уха и успела произнести:

— Я на этой дороге тоже стояла. Только в следующий раз хотелось бы приехать туда своим ходом.

Максим выходил из кабинета. Он придерживал дверь отцу и смотрел прямо на меня.

Я отключилась.

— Что? — спросила я.

— Теперь понятно, почему вы так спешили.

— Вы вообще много понимаете по чужим телефонным разговорам?

— Гораздо меньше, чем по тем, которые слышно на весь этаж.

Пожилой мужчина посмотрел на меня, затем на сына.

— Макс, принеси воды. Пока она тебе папкой не дала.

Я чуть не улыбнулась. Максим это заметил.

— У неё пока преимущество, — сказал он отцу. — Я бы защищаться постеснялся.

Через десять минут я сидела с ними в кафе на первом этаже, потому что совершенно случайно тоже собиралась выпить кофе.

Отец Максима представился Николаем Петровичем. После операции он приехал на контроль и теперь с удовольствием рассказывал, сколько указаний сын успел раздать ему по дороге.

— Сам в мои годы уже третий раз бы куда-нибудь влез.

— Я и сейчас могу, — ответил Максим.

— Вот именно.

Он достал телефон и отошёл позвонить. Я посмотрела ему вслед. Высокий, широкоплечий, с чуть прихрамывающей походкой, которую заметно было только на первых шагах. На

костяшках пальцев виднелись мелкие старые шрамы. Нос когда-то ломали, а под нижней губой была короткая светлая полоска, не прикрытая щетиной.

Я привыкла замечать повреждения. Обычно они не вызывали желания рассмотреть человека ещё раз.

— Ногу на гонках повредил, — сообщил Николай Петрович.

Я перевела взгляд на него.

— Я не спрашивала.

— Вы смотрели.

Мне срочно понадобился кофе.

Максим вернулся, поставил на стол воду и сказал, что через двадцать минут отца заберёт сестра.

— А вам куда ехать? — спросил он у меня.

— Это зависит от того, что вы сейчас предложите.

— Пока предлагаю убрать телефон подальше от чашки. Сейчас заденете.

Я передвинула телефон, стараясь сделать это так, будто сама собиралась. На экране замер кадр, который я открывала уже столько раз, что могла нарисовать с закрытыми глазами.

Максим посмотрел.

— Ваша?

— Если хотите порадоваться, я с дороги слетела на другой.

Он пододвинул стул.

— Покажете?

Я собиралась спросить, кто он такой, чтобы рассматривать мои доказательства, но вместо этого включила запись. Видимо, хотелось хоть с кем-нибудь поговорить, кому ещё не пришло в голову сказать, что нужно подождать.

Максим посмотрел ролик. Затем попросил повторить.

— Это было до аварии?

— Да. Минут за двадцать.

— А где вас обогнали?

Я объяснила. Он слушал, глядя на мой телефон, потом взял два пакетика сахара.

— Покажите.

Один пакетик положил передо мной, второй оставил себе.

Я задела свой левым указательным. Максим двинул второй вперёд.

— Вот он оказался перед вами. Что дальше?

— Я сбросила скорость.

— Он?

— Тоже.

— Вы куда хотели уйти?

— Влево. Но он ещё был там.

Максим вернул пакетики назад.

— Тогда в какой момент вы оказались справа?

Я сдвинула свой, изображая движение машины, и он придержал край стола, потому что пакетик чуть не упал.

— Здесь он пошёл на меня.

Максим некоторое время смотрел на белые прямоугольники. Я уже ждала, что сейчас он достанет из кармана разрешение на расследование и объяснит, почему всё очевидно.

Вместо этого он сказал:

— Поворот надо увидеть.

— Вы там были?

— Ездил. Но ограждение не помню.

— Его там как раз не было.

Я услышала собственный голос и замолчала.

Николай Петрович, который до этого спокойно пил воду, поставил стакан.

— Макс, сначала меня дочери передай. Потом уже приключения.

— Пап.

— Я тебя сорок два года знаю. Ты сейчас у женщины спросишь, зачем откладывать.

Я посмотрела на Максима. Он даже не попытался возразить.

— А зачем откладывать? — спросила я сама.

Николай Петрович вздохнул.

— Господи, их теперь двое.

Сестра Максима появилась с таким лицом, будто ей уже рассказали, что произошло.

— Ты домой сегодня приедешь? — спросила она брата.

— Планирую.

— Значит, мама пока может ставить только три тарелки.

Она обняла отца, забрала папку и кивнула мне. Я проводила их до выхода, потом остановилась у большой тёмной машины Максима.

— Если вы собираетесь показать, как умеете ездить, я вызову такси.

Он открыл пассажирскую дверь.

— Я собираюсь посмотреть дорогу.

Я заглянула в салон. Под сиденьем лежала пара рабочих перчаток, в дверном кармане торчал сложенный лист с чертежом. Никакого старательно подготовленного пространства, в котором обо мне заранее подумали.

Это неожиданно успокоило.

— Кем вы работаете?

— Инженерная компания. Мы с партнёром делаем оборудование для производств.

— А гонки?

— Слабость характера.

Я посмотрела на него.

— Дорогая?

— Очень.

Я села.

Максим дождался, пока я попробую взять ремень, затем спросил:

— Помочь?

— Да.

Он застегнул его, не задевая мои руки, и закрыл дверь. Пока обходил машину, я успела написать Матвею.

«Еду посмотреть место аварии. Вернусь позже».

Ответ пришёл, когда мы выезжали с парковки.

«С кем?»

Я посмотрела на водителя. Он как раз пропускал женщину с коляской и терпеливо ждал, пока та поправит одеяло ребёнку посреди перехода.

«С Максимом Брагиным».

Фамилию я успела услышать, когда администратор приглашала его отца на приём.

Матвей позвонил, но я убрала звук.

— Важное? — спросил Максим.

— Домашнее.

— Можем остановиться.

— Продолжайте.

Он включил поворотник и вернулся к дороге. Я вдруг поняла, что сижу рядом с почти незнакомым мужчиной, который уже видел меня в самом отвратительном настроении и почему-то всё ещё не пытается развезти обратно по домам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.